

Юрий Тимофеев

Не ходи служить в пехоту!

Книга 1. Начало движения

16+

Не ходи служить в пехоту!

Юрий Тимофеев

Не ходи служить в пехоту!
Книга 1. Начало движения

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Тимофеев Ю.

Не ходи служить в пехоту! Книга 1. Начало движения /
Ю. Тимофеев — «ЛитРес: Самиздат», 2018 — (Не ходи служить в
пехоту!)

ISBN 978-5-532-97780-8

Это первая книга из серии о жизни и службе людей, связавших себя с армией, а именно с пехотой. Людей, выбравших путь общевойскового командира. Герой первой книги – мальчик Юра – родился в далёком 1967 году, Гарнизоны, школы, новые друзья и новые враги, соседи, служба отца, учёба в высшем общевойсковом командном училище... Почему главный герой выбрал путь общевойскового командира и как это было?

ISBN 978-5-532-97780-8

© Тимофеев Ю., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Юрий Тимофеев

Не ходи служить в пехоту!

Книга 1. Начало движения

Глава 1

Наш герой родился в семье советского офицера в 1967 году, в крупном военном городке на территории Краснознамённого Белорусского военного округа, и его жизнь ничем не отличалась от большинства детей военных того времени. Нашего героя зовут Юрий, и он во всём берёт пример со своего отца, он им гордится и во всём подражает. Отец иногда берет Юрия с собой на службу, где он видит военный быт, технику, оружие и мечтает когда-нибудь тоже стать военным. 1 сентября 1974 года Юрий пошёл в школу в военном городке, и, надо признать, безо всякого желания.

И вот однажды, примерно в конце октября 1974 года, отец пришёл со службы домой немного раньше обычного, я ещё не спал. Меня и мою старшую сестру позвали на кухню, мама налила чай и поставила на стол пряники и печенье. Отец объявил, что его переводят к новому месту службы в Центральную группу войск, в Чехословакию, на пять лет, нам предстоят большие хлопоты. Надо собрать вещи, упаковать их, отправить контейнер с вещами. Отец уедет через десять дней без нас. А мы поедem к нему примерно через две недели после его отъезда. Мама, как учитель математики, скорее всего получит там работу; мне предстоит учиться в начальной школе, которая находится непосредственно в гарнизоне; а вот сестре придётся ездить на специальном школьном автобусе в другой город, там девятилетка, в десятый класс придётся ездить в школу-интернат, в другой город.

Сестра сильно обрадовалась, ей уже тогда хотелось посмотреть мир, ведь раньше мы выезжали только в Прибалтику, на Волгу, ну и, конечно, в Минск, до которого было меньше ста километров и ходили электрички. Родители как-то быстро начали обсуждать, что делать. Решили мебель не брать, что-то продать, что-то подарить друзьям и соседям. Остальные вещи тоже продать, раздать и выбросить. Взять с собой решили только самое необходимое или те вещи, которые по каким-то причинам были дороги.

– Посуду тоже брать не буду, я давно хотела купить всё новое и хорошее, тем более в Чехословакии всё отличного качества и в изобилии, я разговаривала с завучем школы, – они год назад вернулись из Чехословакии, там просто всё здорово, – сказала мама.

– Да и я говорил с командиром зенитно-ракетного полка. Он в этом году вернулся из того гарнизона. Гарнизон маленький, городок маленький и уютный, всего несколько километров от крупного города Пардубице, ходит троллейбус, автобусы, цивилизация полная, до Праги меньше ста километров, – сказал отец.

– А я не хочу никуда уезжать, у меня здесь друзья, а там школа новая и я никого не знаю, – высказал своё мнение я.

– Придётся привыкать к переездам, сынок, такая судьба офицерская. Мы и так здесь засиделись – восемь лет на одном месте – это много для военного. Привыкай, там тоже найдёшь себе хороших друзей. В Чехословакии много чего интересного, есть замки рыцарские, настоящие, мы обязательно их посмотрим, я тебе много расскажу. Кроме того, я там постараюсь купить машину и когда-то научу тебя на ней ездить, и возможно, через пару лет мы поедem в Крым на нашей машине, всей семьёй и это будет настоящее путешествие.

Я согласился. Меня отправили спать, а родители и сестра принялись составлять подробный план действий и различные списки. Под их мирный разговор я уснул в нашей детской комнате с мечтами о замках и новых приключениях.

На следующий день всё закрутилось и завертелось. Сборы и хлопоты старших меня не особо касались. Мне внимания уделялось мало, чему я был рад. В один из дней пришли солдаты и загрузили собранные нами фанерные ящики (из-под какого-то военного имущества) в контейнер. Контейнер оказался полупустой. Впрочем, родители действительно почти всё раздали, решив купить новое на месте, а мебель, как сказал отец, там выдадут на время и она будет хорошего качества, но казённая. Я удивился, узнав, как немного нам надо, ведь в нашей квартире было много вещей.

В один из дней у нас в квартире собрались гости: сослуживцы отца с жёнами, подруги матери по школе с мужьями и самая близкая мамина подруга соседка Валентина, заведующая нашей поликлиникой, с мужем, подполковником медслужбы. Гуляли до позднего вечера. Все оставшиеся в квартире вещи в последний день должны были забрать мамины подруги, а моя кровать доставалась Валентине.

Уезжали мы из городка во второй половине дня, и меня отправили в школу. Я попытался доказать учительнице, что меня не следует сегодня трогать, так как я уезжаю, о чём она и сама прекрасно знала, так как была подругой моей мамы. Номер не прошёл, и меня заставили трудиться без всяких скидок. После уроков весь класс пошёл провожать меня до подъезда дома, мы поиграли в снежки, поборолись, попрощались, обнялись. Это были мои первые эмоции, связанные с расставанием с близкими мне людьми. Катились слёзы. А один из двух моих самих верных и близких мне друзей расплакался навзрыд, это был самый верный и честный мой друг по имени Лена.

Я наотрез отказался писать письма, потому что писать не любил, и отец не ругался за мои отметки по русскому, уделяя особое внимание математике, только мама была равнодушна к моему русскому языку и правописанию. Поэтому я считал родной язык наукой второстепенной, и кроме того к приезду в Чехословакию я должен был по заданию отца отжиматься от пола уже двадцать раз и приседать шестьдесят раз. Причём эти упражнения должны были быть «зачётными», то есть выполненными по всей строгости «Наставления по физической подготовке ВС СССР». Надо было работать и работать, так как я был далёк от этих результатов, и санкции могли последовать незамедлительно.

Наконец, прощание закончилось, и я, плача, пообещал всё-таки по окончании первого класса написать отчёт, а мои друзья пообещали ответить. Стало легче, и я побежал в подъезд. Зайдя в квартиру, я сразу рванул к окну в кухне, друзья стояли внизу и махали руками, а потом понуро пошли по домам. Мои душевные страдания бесцеремонно прервала мама. Я был весь мокрый: пальто, варежки, штаны, ботинки, и, как выяснилось через секунду, носки тоже были мокрыми.

– Нам в дальнюю дорогу! Ты весь мокрый, марш в ванную и залезай в душ! Быстро под горячую воду. Если заболеешь, тебе мало не покажется! Я тебе устрою и гулять больше не пойдёшь!

Банного полотенца уже не было, но тут на помощь маме пришла вездесущая Валентина и принесла его из своей квартиры. Сказала, чтобы мама не переживала, постирать его не проблема, так как у неё есть стиральная машинка. У нас тоже была, но уехала в контейнере, мама решила её не продавать на всякий случай. Тем более, она выяснила, что в гарнизоне, в котором нам предстояло жить, не было, как здесь, комбината бытового обслуживания, потому что городок был маленьким, и где стирать постельное бельё и принадлежности, яности у неё не было. Здесь она сдавала бельё в прачечную, и на все постельные принадлежности и полотенца у нас в семье были пришиты специальные бирки с чёрным шрифтом, по которым и отличали принадлежность вещей.

Обед перед нашим отъездом был запланирован уже на кухне у Валентины, мы плотно и не спеша покушали. А на всех батареях были разложены мои вещи. В нашей квартире уже ничего не было, кроме чемоданов и сумок. Вообще-то квартира уже была осмотрена представителем КЭЧ и сдана новому хозяину – одному добродушному майору-пехотинцу, который рассчитывал в ближайшее время привезти откуда-то из другого гарнизона свою семью. А сейчас он собирался поднять в квартиру некоторые свои вещи из грузовой машины, стоявшей внизу, около которой ходили солдаты в ожидании команды на разгрузку.

Мама не стала стеснять майора и попросила его помочь перетащить наши вещи в квартиру Валентины. Он говорил, что они не мешают и их можно оставить, предлагал всяческую помощь, смущался. А мне ещё запомнилось, что он за свою службу сменил двадцать восемь мест и что очень уважает моего отца.

В квартиру Валентины кто-то позвонил, мама открыла и зашёл солдат, водитель уазика, он с добрым и мягким белорусским акцентом спросил, какие вещи надо спускать в машину. Мама сказала, что он никуда не пойдёт, пока не поест. Солдат препирался недолго и не очень уж активно. Поел водитель быстро, и настало время трогаться в путь. Все присели на дорожку, взрослые всё проверили, мы спустились и начали усаживаться в машину. Кроме нас там был ещё прапорщик-грузин, который, видимо, служил «по особым поручениям» у командира артиллерийского полка, большого друга моего отца. Это он выделил машину для того чтобы нас привезли прямо на железнодорожный вокзал в Минске.

Прапорщик был чересчур услужлив, и было видно, что он раздражал и маму, и Валентину, которую он явно побаивался и непрестанно говорил, как он уважает моего отца, а также Валентину и особенно мужа Валентины – начмеда дивизии.

Наконец, последние прощания закончились, и мы поехали в сторону КПП нашего городка. Машину сразу пропустили, и началась совсем новая для нас жизнь.

Дорога до Минска была мне крайне интересна, так как раньше мы ездили в Минск только на электричке.

Приехали мы на вокзал, когда было уже совсем темно. Вещи нам разгрузили, всё перенесли в задание вокзала. Посадку на поезд ещё не объявляли. Прапорщик сообщил, что у него приказ командира полка посадить нас в поезд. Мама сказала, что отойдёт на несколько минут, посмотрит, что ещё можно купить в дорогу, и через некоторое время вернулась очень довольная. Ей удалось купить плавленый сыр «Янтарь» в коробках, несколько палок сырокопчёной колбасы и несколько бутылок болгарского сока. Лимонад мне, конечно, не купили. Объявили посадку на поезд. Прапорщик и водитель взяли наши вещи, и мы пошли к вагону.

Загрузились, попрощались, началась обычная вагонная суета с билетами и бельём, поезд тронулся. В купе мы были одни. Я очень любил ездить на поездах, но поскольку было уже темно, мне стало скучно, я погрузился в свои мысли. Впрочем, мама меня быстро отвлекла, предложив поразмыслить над небольшой математической задачей. Я разозлился на неё, но деваться было некуда, пришлось подчиняться. Тем временем постели были постелены, мама и сестра разложили ужин, в котором оказались пирожные для нас с сестрой. Настроение у меня резко изменилось в лучшую сторону.

– Мама, какой же неприятный лизоблюд и подхалим этот прапорщик, и такой навязчивый, даже противно, – сказала сестра.

– Да, есть такое. Привыкай, это восточное, кавказское, азиатская такая хитрость. Он говорил не то, что думает, лукавый. Но это не значит, что его надо воспринимать с враждой и показывать своё презрение, а ты это делала, я видела. Надо уметь беззлобно над этим посмеиваться и пользоваться этим, тем не менее сохраняя большую дистанцию, – ответила ей мама.

– Но как?

– Принимай его услуги по факту. То есть, ты мягко говоришь: «Нет, спасибо», но когда он не слушается и продолжает, например, нести твой чемодан, молчи, пусть несёт. В то же

время внимательно следи за тем, что бы он обращался к тебе строго на «Вы», они могут врать и притворяться, прикрывая обращение «Ты» слабым знанием русского языка, рассказывая, что у них в родном языке может не быть «Вы». Это меня не интересует. И сама, конечно, должна обращаться только на «Вы». И если ты твёрдо решила отделаться от услуг кавказца, то должна ему об этом объявить несколько повышенным тоном, строго, но благожелательно. В общем, тоном, не терпящим возражения.

– Мама, я не хотела бы вообще иметь дело с кавказцами!

– И не имей, если получится. Это правильно. Но у нас действительно многонациональная страна. Вот и отец твой говорит, что призывников из средней Азии и Кавказа из призыва в призыв всё больше, а призывников европейских национальностей всё меньше и меньше. Но он считает, что все эти межнациональные противоречия будут стираться, назад к баям, князькам, в юрты, мечеть или грузинские родоплеменные отношения никого не загонишь.

– Я думала, что грузины такие гордые...

– А он тоже гордый. Я это вижу. Но эта гордость – очень напускное чувство, произвести впечатление на окружающих, пустить пыль в глаза. Это ещё и такое сельское поведение, крестьянское. Мы вот сейчас с тобой тоже неправильно поступаем, ведь всех под одну гребёнку равняем. А вот когда я лежала в больнице, в Минске, со сложным оскольчатый переломом (это мы всей семьёй пошли за грибами и мама неосторожно спрыгнула с поваленного дерева, по которому пыталась пройти, как гимнастка), прооперировал меня травматолог-грузин, очень интеллигентный и образованный человек. Разные люди бывают, но с ребятами-кавказцами надо быть, конечно, вдвойне осторожной. Они часто считают, что русские девочки и женщины более раскрепощённые, со всеми вытекающими из этого мыслями. Но об этом мы с тобой поговорим позже, когда вот этих торчащих ушей не будет, – сказала мама и погладила меня по голове.

В этой беседе я не участвовал, но внимательно слушал. До этого момента я не предполагал, что существует такая тема для разговоров.

После ужина меня ещё заставили почистить. Потом выдали зубную пасту, щётку, мыло, полотенце и отправили в туалет. Я вернулся и лёг на свою вторую полку, сон наступил быстро. Проснулся я раньше всех и лежал тихо. Потом встала мама, когда мы с сестрой умылись, она уже носила чай в купе. Просила нас быть необычайно внимательными, так как времени между поездами у нас очень мало, и если нам не удастся закомпостировать билеты на ближайший поезд, то придётся ждать следующего, а он через сутки. И что там с гостиницами, непонятно. По рассказам бывавших во Львове, там крайне грязный вокзал, да и сам город в ужасном и запущенном состоянии, к тому же львовяне часто враждебны к русским, можно столкнуться с непониманием русского языка. Поэтому наше желание как можно быстрее покинуть этот город было до крайности мотивированным.

Мы выгрузились из поезда на платформу. За мной был закреплён школьный ранец и новенький, аккуратно упакованный радиоприёмник «Океан», его купила мама в Минске, чтобы мы могли в ЧССР слушать радиостанции на русском языке.

Мама оставила нас на платформе и побежала за носильщиком, быстро нашла его и они вернулись к нам с тележкой. В принципе, мы сами могли унести все вещи, но мама не любила таскать чемоданы и не хотела, чтобы это делала моя сестра. Носильщик, немолодой дядька (лет пятидесяти с лишним), поинтересовался, какой у нас план. Мама выложила ему всё как есть, и умоляла двигаться быстрее, что было нелегко, так как вокруг было много людей.

– Послушайте, мадам (такое обращение я слышал впервые), я предлагаю вам помощь. Сейчас мы останавливаемся вон там (показал пальцем в сторону), детей и вещи оставляем ненадолго. Вы говорите детям, чтобы они никуда не уходили, а мы с вами идём и я вам закомпостирую без всякой очереди купейные места, мы вернёмся, я отведу вас к поезду и загружу в лучшем виде. Гарантирую, что мы успеем, – сказал носильщик.

– И чем мне вам отплатить за вашу доброту? – спросила мама.

Носильщик придвинулся к маме и на ухо сказал ей что-то. Реакция мамы не заставила себя ждать.

– Сколько? – вскрикнула мама.

– Что для вас такая сумма?! Ваш муж там будет получать хорошую зарплату в кронах, ещё и в рублях оклад будет идти на книжку. А вот если вы у нас во Львове на вокзале застрянете, измучаетесь сами и детей изведёте. В ближайших гостиницах, кстати, мест совсем нет. Во Львове очень мало гостиниц. А так я всё сделаю вам в лучшем виде.

– Ну давайте хотя бы пятнадцать рублей за ваши услуги. Это хорошие деньги, – попросила мама.

– Нет, двадцать пять рублей, и сюда входят мои услуги носильщика, за всё время, пока я с вами. И решайте быстрее, а то я уйду.

– Я согласна!

– Так. Всё. Слушайте меня. Оставляем детей и вещи здесь. Берите свою сумочку и пойдёте быстрее за мной.

– Минутку! Катя (так звали мою сестру), стойте здесь. Ни с кем не разговаривайте. Никого не слушайте. Мы в кассы. Держитесь рядом и не уходите с места, следите за вещами.

– Через сколько мы можем вернуться? – обратилась мама к носильщику.

– Минут двадцать пять-тридцать. Должны всё успеть. Давайте быстрее.

– Всё. Ждите здесь.

Мама и носильщик быстро удалились. Мама семенила, так как ей было непросто бежать в сапожках на довольно высоких каблуках.

Между тем вокзал Львова мало был похож на вокзал в Минске. Здесь было грязно, толпы народа, запах туалета и испражнений был очень сильным. Много цыган, насчёт которых мы с сестрой имели особые инструкции. С другой стороны, вокзал был величественным и очень красивым, с громадными люстрами, красивыми лестницами.

Мы с сестрой очень волновались, боялись, что с мамой может что-то случиться. Носильщик вызывал у меня всяческие подозрения. Время тянулось медленно. И вот, наконец, мы видим носильщика, а за ним маму. Оба довольные и возбуждённые. Мама сказала, что там в кассах много народу и нам пришлось бы простоять в очереди несколько часов.

– Итак, мы едем в одном купе. Объявили, что поезд Москва – Прага прибудет через двадцать минут, и нам надо выдвигаться на платформу. Стоянка поезда около пяти минут. Всё нормально. Мы должны успеть, – сказала мама.

– Можем спокойно идти. Пойдёмте за мной, – добавил носильщик

Далее произошло всё быстро. Оказывается, носильщик хорошо знал, где остановится наш вагон, и безошибочно поставил там тележку. Мы загрузились в вагон, он поставил в тамбур наши вещи.

– Спасибо вам за всё. Без вас мы бы не управились, но всё же так дорого. Я даже до сих пор не могу в это поверить, – сказала мама.

– А как ты хотела, красавица? Сама обошла, так сказать, всех стоящих в очереди. Да и я с тележкой по всему вокзалу туда-сюда с вами. А так бы искала и бегала за носильщиками каждый раз, а они бы тебе говорили, что заняты, пока не додумаешься, что сделать чтобы они освободились. Ты лучше запиши мой номер жетона. Будешь ехать с пересадкой во Львове, у носильщика любого спроси, как меня найти, тебе всякий скажет. Я тебе всё решу. Будешь довольна. Любой вопрос, и с военным комендантом, и с кем хочешь. И билеты куда хочешь найдём, без очереди, и гостиницу, и всё, что пожелаешь. С богом!

Мама записала номер и помахала носильщику рукой.

Поезд тронулся. Начались хлопоты с билетами и бельём. Мы опять в купе были одни и сильно радовались этому. Вечером на границе наш вагон будут поднимать на подъёмнике и менять тележки платформ на европейскую колею. Будут пограничники и таможенники.

Мама с сестрой переоделись в спортивные костюмы, умылись. Переодели и меня. Я смотрел на маму в этом спортивном костюме и думал, что она очень похожа на наших старшеклассниц на физкультуре. Она и сейчас была очень спортивной. Ведь недаром она много лет занималась лёгкой атлетикой, как и отец. Но мама была более спортивным человеком, чем папа, хоть он и военный. Вот так у них вышло, что оба занимались лёгкой атлетикой, оба любили математику. Мама училась в пединституте, папа учился в артиллерийском училище, оба в Ленинграде, для обоих математика профилирующая. Но вот отношение к спорту получается другое. Папа занимался, потому что надо, заставляют, военное училище всё-таки, а мама – потому что нравится и фигуру хорошую формирует. Мама – одна из немногих женщин нашего городка (уже бывшего), которая частенько бегала по вечерам и выполняла упражнения на брусьях. Обещала вскоре и меня приобщить к этому делу. Но я не очень хотел.

Мама объявила, что через три часа будем обедать, а сейчас план такой:

Сестра занимается уроками по собственному плану. Но начинает с разминки, физических упражнений.

Я занимаюсь под руководством мамы. Сначала лёгкая разминка с отжиманиями от пола и приседаниями. Потом опять мытьё рук. Затем все вместе пьём болгарские соки, купленные ещё в Минске. Дальше у меня начинается русский язык, математика, чтение и пересказ. Если я буду стараться, то до обеда у меня будет время посмотреть в окно.

Сопротивление бесполезно. Родители у меня упёртые и ничего слушать не будут, это проверенный факт. Остаётся подчиняться. Впрочем, заниматься с мамой было нормально. И ей моё отношение к делу тоже понравилось. Она сходила к проводнице и купила мне бутылку «Буратино», сказала, что это мне сегодня награда за хорошее отношение к учёбе. Но пить его буду только после еды. Иначе вредно. До обеда осталось немного времени, я достал карту и начал прочерчивать наш путь, а мама мне рассказала, что такое Белоруссия, что такое Украина, отдельно про Западную Украину, в чём отличие от России и чем мы вместе отличаемся от ЧССР. Чем отличаются чехи от словаков, она мне не ответила, сказала, что не знает.

Как-то так у мамы получалось, она считала, что у украинцев и русских и белорусов раньше, до социалистической революции, было много отличий. Но чем больше развивается промышленность, чем больше переезжают люди в большие города, тем становятся более развитыми, и национальные различия стираются, уходят все эти предрассудки. Вот украинцы, даже западные, которые живут в Ленинграде, они нисколько не считают себя украинцами, даже обидятся, если им это напомнить, языком русским пользуются правильно и очень уважительно к нему. То же самое и в городах Поволжья, Урала и Сибири.

А вот сельские жители – совсем другое дело. И самобытность сохраняется только в сельской местности и небольших провинциальных городах. На Западной Украине такая провинциальность только потому, что у них возможность вступить в СССР появилась только в 1939 году, уж очень они отстали, так как ни в панской Польше, ни ранее в Австро-Венгрии их равными не считали, полагали целесообразным использовать это население только для сельхозработ, хотя в Вене и других городах Австрии процветали наука, образование и здравоохранение. После вхождения в СССР у украинцев появилась возможность быть инженерами, врачами, делать партийную, государственную или военную карьеру. Появилось очень много возможностей. У мамы есть подозрение, что в БССР и УССР даже больше возможностей, чем в Свердловской и Саратовской областях РСФСР, потому что для всех национальных республик существуют какие-то льготы и преференции.

Во время маминого рассказа я рассматривал карту и размышлял, поглядывая в окно, что мой дедушка – солдат Великой Отечественной войны – возможно, по этим самым местам наступал с боем и гнал германца на запад.

Подошло время обеда, мама с сестрой достали наши продовольственные припасы. Картошка в мундире, яйца вкрутую, сыр, сырокопчёная колбаса, солёные огурцы, печенье, пряники, яблоки и немного конфет. Мама принесла чай, и мы приступили к обеду. Сестра рассказывала, что ей удалось выведать у знакомых девочек о жизни в нашем будущем военном городке. Сведения были скудные и сводились к тому, что в городе Пардубице есть огромный универмаг PRIOR, и он – сама чаша изобилия. Мама подтвердила информацию и сказала, что обязательно они с сестрой туда поедут как можно быстрее после приезда и лично всё проверят. Кроме того, сестра сообщила, что ей необходимо в первую очередь. Мама объяснила, что папа там получил в кронах ещё совсем маленькие деньги, поэтому все придёт, но со временем, и зависит от того, сколько что стоит и сможет ли работать мама.

После обеда меня загнали спать. Впрочем, остальные тоже уснули. Я проснулся первым, тихо слез с полки и принялся допивать свой законный лимонад.

Через некоторое время началась пограничная работа, которая потом станет для меня уже не интересной. Мама на какое-то время отлучалась, по-моему, ходила менять рубли на чешские кроны, какую-то сумму можно было поменять, но это не точно. Вот всё закончилось, и поезд набирает ход по Словакии. Уже темно, ничего не видно. Но я с большим интересом осматривал перроны на станциях, на стоянках. Конечно, это совсем другая страна. Очень и очень интересно. Вот это приключение!

Ранний подъём, подъезжаем к Пардубице. Нас должен встретить папа, ему носильщик по просьбе мамы дал телеграмму о нашем прибытии. Выгрузились, поезд тронулся дальше. Солдат и отец взяли вещи. У меня в руках упаковка красивых вафель в шоколаде, у мамы – букет цветов, у сестры – какой-то пакетик. Загружаемся в папин командирский газик и не спеша отъезжаем от привокзальной площади. Я не могу оторваться от окна, здесь всё другое и явно здесь лучше. Я в восторге. В восторге и мама и сестра. Отец сдержан, но очень рад. Въезжаем в этот чешский городишко, в котором расположен и наш военный городок. Отец говорит, что он очень доволен тем, что жилой городок для семей никак не отгорожен от чехов, нет никакого КПП, ничего. Мы спокойно ходим по городу, и чехи приходят в наш магазин и офицерское кафе в новом клубе. Сами воинские части, конечно, за заборами, колючими проволоками, часовыми и прочим, а семьи живут нормальной жизнью.

Наш военный городок – это несколько жилых домов, магазин, начальная школа, клуб с офицерским кафе. В одной из хрущёвок живут прапорщики, сверхсрочники, вольнонаёмные служащие (гражданские) СА. В остальных – офицеры. Старший командный состав живёт в только что построенном чехами доме. Там нам выделена квартира. В гарнизоне всего три небольших части: зенитно-ракетный полк одной из дивизий, отдельный реактивный дивизион этой же дивизии, командиром которого и был мой отец, и отдельный радиотехнический батальон, подчинённый Генштабу. Этот батальон был режимным.

Мы зашли домой через просторный, идеально чистый подъезд. Огромная квартира, с большими окнами, очень светлая. Правда, всего две спальни, для нас с сестрой и родительская. Кухня-столовая с кухонным гарнитуром, у нас такого не было никогда, кладовка, внушительный балкон.

Мы расселись в столовой, пили кофе с чешскими пирожными, они были совсем не похожи на наши, советские, потом я впервые попробовал банан.

Отец объяснил, что, как и где находится. Мне указали на мою кровать, шкаф, стол, стул, тумбочку. Сказали разобрать портфель и приготовиться прямо сейчас, идти в школу к третьему уроку. Там всё договорено, меня ждут. Отведёт меня мама. С сестрой разговор отдель-

ный. Встречаемся в столовой за обедом. Мама объявила, что вечером будет торжественный ужин.

Глава 2

До школы идти пятьдесят-семьдесят метров. Школа – это одноэтажный сборно-щитовой дом с большими окнами. Полы застелены линолеумом, всё сверкает и блестит, чистота идеальная, всё оборудование чешское. В школе всего три класса, в каждом менее десяти человек. Моя учительница, она же директор школы, – жена замполита зенитно-ракетного полка, о чём мне отец объявил с нажимом и добавил, что вечером мне многое объяснит, а пока я должен быть примерным и дисциплинированным учеником.

Была и хорошая новость: мама не сможет работать со мной в одной школе, так как там всего три учителя и, конечно, места заняты.

Мама привела меня в школу, в это время была перемена, но стояла оглушительная тишина. Нас ждали. Директриса задала все формальные вопросы. Мы с мамой ответили. Они договорились подробно переговорить после уроков. Мама обещала ко этому времени подойти. Мы заходим в класс.

– Дети, это наш новый ученик Юрий Тимофеев, он приехал к нам из Белоруссии, там до этого служил его папа – командир отдельного реактивного дивизиона. Я думаю, вы с удовольствием его примете в свой коллектив. Да, дети?

– Да, Ирина Николаевна!

– Теперь, Юра, проходи и садись вон за ту парту. У нас класс маленький и у каждого своя парту.

Мне досталась четвёртая парту в ряду у окон. Я был десятый ученик в классе. Быстро смекнул, что меня будут спрашивать и гонять каждый день и по несколько раз. Ещё выходило, что в классе шесть девчонок. Один парень явно какой-то дерзкий, оборачивается и оценивает меня. Начался урок. Вижу, что учительница приятно удивилась моим навыкам и ответам. Это понятно, ведь столько, сколько меня, больше никого дома за учёбу так не гоняли в моей старой школе. На перемене мы все познакомились. Я был доволен своим классом. После занятий пришла мама и они с классной-директрисой пошли к ней кабинет, а меня отправили домой. Вышел из школы и тут меня окликнули ребята из третьего класса:

– Эй ты, новенький! Иди сюда к нам.

Я сразу понял, что придётся драться. Они стояли на углу школы. Пошёл им навстречу. За углом находилось маленькое и аккуратное здание газовой котельной с палисадником. Меня ведут за палисадник.

– Ну что, новенький, ты уже знаешь, какие тут у нас порядки?

– Откуда?

– А то чё такой борзый?

– Я не борзый.

Последовал удар ногой в район поясницы. Я скинул ранец. Последовал шквал ударов. Я в грязи, на земле. Побили меня и руками, и ногами. Кровь и слёзы катятся ручьём.

– Мамаше своей скажешь, что упал. Если заложишь, то тебе не жить. Убьём. Понял?

– Понял.

– Вставай и не плачь, как девочка. У нас тут порядки такие: дедовщина называется. Есть понятие «новенький» и есть понятие «молодой». Ты теперь надолго и новенький, и молодой, короче, дух. Твоя единственная обязанность – ублажать дедушек. Понял?

– Нет. Кто решил, что я дух? Я должен откликаться на имя дух?

– Нет, не должен. Откликаться будешь на кличку. Скоро мы дадим тебе кличку, когда прописывать будем. Понял?

– Что значит прописывать?

– Узнаешь. Когда время придёт.

– Я не буду вам подчиняться.

Последовала серия ударов по всему телу и лицу. Из рассечённой брови льётся кровь. Теперь ещё рассечена губа, тоже сильно кровоточит. Мой взгляд падает на крыльцо у входа в котельную. Там у двери стоит деревянная швабра. Решение созрело мгновенно. Я точно не знал, кто именно меня бил, но знал, что как минимум это трое из присутствовавших более чем десяти человек. Много ударов было со спины, и я не видел кто их наносил. Я вскочил на ноги, сгруппировался и рванул к швабре. На моём пути оказался упитанный парень явно из третьего класса, активно избивавший меня до этого. С небольшого разбега, изогнувшись, я с силой врезался в него, и он отлетел на палисадник, сильно взвизгнул, путь к швабре был свободен, ещё мгновение – и швабра в моих руках.

О тактике возмездия я не подумал и решил немедленно бить шваброй всех подряд. Первый удар пришёлся по плечу одному мальчишке, который возможно, был только болельщиком. Я осознал, что это был опасно. Сильный удар по кому-то ещё, третий удар нашёл голову моего главного обидчика, который успел прикрыть её руками, тем не менее кровь хлынула потоком, и окрестности услышали отчаянный крик. Ещё несколько взмахов – и пацаны начали разбегаться в разные стороны, я погнался за одним, который тоже был активным участником моего избиения. Меня остановил громкий крик мамы:

– Юра! Стой, я тебе сказала! Остановись!

Я остановился, увидел учителей, маму и техничку. Мама бросилась ко мне.

– Что ты наделал? Что произошло?

– Светлана, веди его в медпункт школы, там аптечка и всё необходимое, сейчас вызовем врача и скорую из медсанчасти полка, – сказала маме директор школы.

– Остальных всех тоже в школу. Будем разбираться, – это уже было адресовано учителям и техничке.

Мама отвела меня в медпункт, быстро молча меня осмотрела, начала промывать царапины.

– Голова болит?

– Нет?

– Говори, как есть. Болит?

– Нет.

– Спина?

– Болит только губа, глаза и правая рука.

– А что с рукой?

– Я упал и сейчас больно сгибать кисть.

Мама осмотрела. Ощупала.

– Ничего страшного с рукой. Но падать будем учиться. А вот с бровью и особенно с губой всё серьезнее. Терпи.

– Больно.

– Терпи. Я ещё дома буду с тобой разбираться, что это за психическая атака была такая со шваброй?

– Светлана, Юра здесь ни при чём. Я знаю в чём дело, – сказала Ирина Николаевна. – Это то, что я тебе говорила. Не могла даже подумать, что всё произойдёт так быстро, пока мы с тобой разговаривали.

– Да понятно всё. Затеял всё вот это фрукт, – сказала Арина Петровна, учительница третьего класса, показывая на моего главного обидчика, который сидел и всхлипывал, а учительница бинтовала ему голову. – Да, Володя? – это она обратилась уже к ученику. В ответ всхлипы.

– Кто он? – спросила моя мама.

– Володя Сенедюк, только приехал, два месяца назад. Набрался где-то на старом месте порядков казарменной дедовщины. Подчинил себе ещё двоих дружков, а они уже все втроём начали внедрять эти порядки в школе. Они здесь самые старшие, ведь все старшеклассники ездят в среднюю школу на гарнизонном автобусе, за сорок два километра. Приезжают не раньше четырёх часов дня, и у них там уже свои интересы. Кстати, удар по голове Сенедюк получил очень сильный, – ответила Арина Петровна.

– Эта троица, это всё дети прапорщиков из зенитно-ракетного полка. Семьями они дружат и служили все, по-моему, раньше в одном городке Стрый Львовской области и родом все откуда-то из тех мест, – сказала Ирина Николаевна.

– Я сегодня пойду поговорю с Леной, женой командира полка, а вечером с мужем. Арина, а ты со своим поговори. – добавила Ирина Николаевна.

– Да мой-то что им может сделать? У Сенедюка отец – начальник солдатской столовой, у Петра отец – начальник продовольственного склада, то есть оба тыловики, и только у Олега отец – начальник контроль-технического пункта полка. С ним мой поговорит, обещаю, – ответила Арина Петровна.

– А кто у вас муж, Арина Петровна? – спросила мама.

– Зампотех полка по-старому, по-современному – зам по вооружению.

– А твой кто, Светлана?

– Командир реактивного дивизиона.

– Вот тебя надо в председатели женсовета выбирать. Твой муж командиру полка не подчиняется. А то ведь избирать жену командира полка и замполита не рекомендуется, потому что их мужья не должны руководить женсоветом. В самый раз тебя избирать, Светлана. Надо много вопросов решать. Потом обсудим, – сказала учитель второго класса Татьяна Витальевна, осматривая плечи и туловище ещё одного бойца.

– Ну что тут у вас? – в комнату вбежал лейтенант в форме с медицинскими эмблемами, вместе с женщиной с отличиями сержанта медицинской службы.

– Вот, смотрите, пятеро пострадавших в драке. Один из них получил сильный удар шваброй по голове, – ответила Ирина Николаевна.

Доктор начал быстро осматривать всех пострадавших. Распорядился сержанту отвести меня и ещё троих в санитарную машину, которая стояла у входа в школу.

– Не надо, Юра не поедет. Я сама справлюсь. Спасибо, – сказала моя мама.

– Всё же я предлагаю его отправить на более внимательный осмотр, – предложил лейтенант.

– Нет, ещё раз спасибо, – если что, мы к вам придём или позвоним.

– Как знаете, дело ваше. И что за жизнь такая, из рот и батарей каждый день избитых приводят, а тут ещё и из начальной школы побитых ведут. Первоклашка шваброй третьеклассника!

– Извините, товарищ лейтенант, я поняла ваш упрёк. Это именно мой сын так защищался. Постараюсь всё исправить, – сказала моя мама.

– Я не хотел вас упрекнуть или обидеть. И вообще удивляюсь нравам местным, вот я вырос на окраине Питера, и мы тоже дрались много и часто, но до палок доходило только когда район на район, и первоклашки в таком не участвовали.

– О! А я в Ленинграде училась, муж тоже там учился, и это наш любимый город. Вы, наверное, в военно-медицинской учились?

– Да, в ней. Зовут меня Андрей, если что, обращайтесь. Мне очень приятно встретить ленинградцев. А ваше имя Светлана? И можно узнать, кто ваш муж?

– Светлана, и мой муж – майор Тимофеев. Приходите, Андрей, к нам в гости, будет очень приятно поговорить.

– Жаль.

– Что жаль?

– То, что ваш муж – майор Тимофеев, – расхохотался Андрей.

Мама тоже улыбнулась, узик под прозвищем «таблетка» быстро отъехал, а мы с мамой пошли домой.

Мама дома меня разбинтовала, ещё раз обработала, опять забинтовала.

– Как всё произошло? Прошу честно. Я ругать не буду. Подскажу, как вести себя в следующий раз.

Я всё рассказал подробно.

– Я не знаю пока, что порекомендовать. Мы с отцом поговорим и дадим тебе совет. То, что ты защищался и не стал кланяться, это я поддерживаю. А вот то что палкой по голове – это очень плохо. Очень. Дай бог, чтобы у Володи всё было без последствий, – мама выразительно посмотрела на меня.

– Аллю, коммутатор? Соедините меня с санчастью, пожалуйста.

– Позовите, пожалуйста, к телефону лейтенанта, Андрей зовут, фамилию не знаю. Скажите, Светлана Тимофеева просит.

– Андрей, как там дела у Володи? Как у остальных? Точно? Спасибо вам, Андрей, большое! И вы можете ко мне обращаться просто Светлана. Спасибо, и приходите в гости как-нибудь вечером.

– Мам, что там? – спросила сестра.

– Обошлось, слава богу! Шишки, ссадины, синяки. Но сотрясения мозга нет и переломов тоже. Говорит, маловато ещё у твоего сына силёнок, к счастью.

Мне было безразлично, сострадания к своим обидчикам я не испытывал, а злость ещё осталась. Есть и пить я не мог, губа была рассечена сильно.

– Аллю, коммутатор? Соедините пожалуйста с санчастью, – опять произнесла мама в трубку телефона.

– Лейтенанта Волкова, пожалуйста. Андрей, вы были правы, надо было с вами поехать. У Юры всё-таки сильно рассечена губа, и мне кажется, надо зашивать. Спасибо.

Мама положила трубку и сообщила, что сейчас из полка приедет санитарная машина и мы поедем на ней в полковую санчасть. Там мне заморозят и потом зашьют губу.

Не успели мы спуститься, как подъехала «таблетка», от подъезда дома до КПП полка было не более двухсот метров. Мы сели в машину, проскочили КПП и ещё через несколько минут машина остановилась возле санчасти. Вышли и сразу направились в процедурный кабинет. Волков отдал какие-то указания медсестре, сам мыл руки, вытирал тщательно и приказал поставить мне укол с заморозкой. Потом взялся зашивать мою губу. Всё прошло очень быстро, но я был сильно испуган, ждал, что будет больнее и хуже. Обошлось.

Волков дал какие-то инструкции, я их не воспринимал. Усвоил, что через час можно будет аккуратно есть, потому что отойдёт заморозка. Я этому обрадовался, так как сильно хотел кушать.

Страх прошёл, мы с мамой шли по территории части в сторону КПП. Из казармы выскакивали солдаты. Они демонстративно рассматривали мою маму и говорили ей что-то в спину, присвистывали. Но мою маму просто так не проймёшь! Она шла и не придавала значения происходящему, её беззаботное лицо излучало улыбку. Она действительно очень приветливый человек.

Возле штаба полка стоял подполковник, сразу было ясно, что это кто-то из больших командиров.

– Здравствуйте! – поприветствовал нас с мамой подполковник.

– Здравствуйте, товарищ подполковник! – ответила мама.

– Подполковник Воропаев Иван Дмитриевич, командир зенитно-ракетного полка.

– Очень приятно! Светлана Тимофеева, жена майора Тимофеева.

– Очень приятно, Светлана, – спокойно и как-то по-доброму произнёс Воропаев. – Вижу, что из санчасти идёте.

– Уже подрался, причём очень жёстко, с местными мальчишками, – мама кивнула на меня.

– Уже знаю всё. Не думал, что ему досталось до такой степени, чтобы в санчасть попасть. Мне доложили директор школы и начальник медицинского пункта полка. Я знал об этой ситуации, которая складывалась между детьми. Разговаривал с их отцами. Видимо, меня не захотели понять. Теперь точно поймут. Я вам обещаю. Давайте, Светлана, приходите всей семьёй к нам сегодня на ужин. Нам с вашим мужем придётся много совместных вопросов решать, и нашим жёнам тоже. Приходите, всё равно у вас там ещё ничего не готово. А потом мы к вам как-нибудь придём, если позовёте. Пригласим замполита с женой и начальника штаба полка с женой, поговорим, обсудим, введём в курс дела. Как вы?

– Я с удовольствием. Но, во-первых, не знаю мнение своего мужа, а во-вторых, неудобно перед вашей женой.

– С вашим мужем я сам переговорю, ну а с супругой тем более. Она будет только рада. Честное слово.

– Ну если так, то я жду приказаний от своего мужа, а детей мы дома оставим.

– Договорились. Ждём к восьми, прошу без опозданий.

– Договорились!

Мы с мамой пошли в сторону КПП.

Через несколько минут мы были в квартире. Ну и денёк. Такого дня я даже не припомню. Столько событий, столько незнакомых людей, и день всё ещё не закончился.

Мама сказала мне переодеться в домашнее, а школьное отдать ей в чистку и стирку. Я начал разбирать свои вещи под руководством сестры.

Пришёл папа. Они закрыли двери в столовой и о чём-то разговаривали. Я сразу догадался, что речь зашла и обо мне.

Нас с сестрой позвали к себе. Мама поставила пюре с жареной рыбой, хлеб, чай, чешское печенье, коробку чешских шоколадных конфет, несколько пирожных и чешский лимонад.

– Сначала пюре и рыбу, – объявила мама.

– Мама, а где ты взяла продукты? – спросила сестра.

– Папа получил ещё до нашего приезда продовольственный паек в натуральной форме. Нам на каждого положен паёк. Вот я и нашла картошку в кладовке, рыбу – в морозилке, масло растительное – в холодильнике. Вы кушайте, а мы с папой в гости пойдём скоро и там поедим.

– Сынок, – начал отец, – мы с мамой поговорили. Мама мне всё рассказала, как было. Ты правильно сделал что не дал себя унизить. Но ты допустил одну ошибку. Какую? Делай всё возможное, чтобы избежать неравную драку, это первое. Запомни, если ты ввязался в неравную схватку, то ты уже проиграл. Второе, если драки не удалось избежать, тогда бей первым и со всей силы! Держи инициативу только в своих руках и пытайся навязывать противнику свою волю. И последнее – это разумная сила называется. Палкой по голове – это совсем дурная сила, показывает, что ты слабый, но псих.

– Папа, как же я мог избежать драки? Как? Мама же тебе рассказала, как было?

– Да, рассказала. Объясняю, вот тебе вариант: не идёшь за котельную и говоришь их главному, что если ты смелый такой, идём драться один на один к школе. Так, чтобы все видели, кто есть кто, и что вы меня толпой не избили. Если не пойдёт, то объяви его трусом и стой на своём.

– Бей первым, это понял. А вот если бы не палка, меня совсем бы забили. Как без палки?

– Я тебе не говорил без палки. Палка – это оружие, которым ты завладел. Но не было необходимости бить палкой по голове. Ты мог его этой шваброй по жопе ударить сильно? Мог?

– Мог.

– А почему не ударил по жопе?

– Не додумался, разозлился.

– Разум не должен терять. Думать в критической ситуации надо ещё сильнее. А теперь представь, если бы ты его пару раз ударил палкой по жопе. Над ним бы сейчас все смеялись. А он по голове получил, и ему многие сочувствуют, это слишком почётно. По жопе было бы обидно и даже унижительно.

– Ты прав, папа.

Отец меня обнял, поцеловал в макушку и похлопал по спине.

– Теперь, ещё вот что, дети. То, что, я вам скажу, будет для вас очень необычным. Мы находимся на территории другой страны. Здесь к нам, советским людям, совсем другое отношение и другие требования руководства нашей страны. За ваши проступки меня и вас, соответственно, выгнать могут отсюда в двадцать четыре часа, и всё, точка. Никто не будет разбираться. Кроме того, на вас здесь в городке все будут смотреть как на членов семьи одного из трёх командиров частей. Я знаю, что раньше вы никогда не задумывались о том, кто у кого отец, какую должность он занимает. Здесь всё по-другому, хотите вы или нет, но на вас будут смотреть и с этой точки зрения. Вместе с тем, у вас никогда не должно проявляться что-то высокомерное или заносчивое. Но знайте, то, что можно одним, вам нельзя ни при каких обстоятельствах.

– Жилой городок открытый, чешские дети свободно сюда приходят играть в футбол, волейбол, баскетбол на наших спортплощадках. У них своих здесь нет. Лишних драк не затевать, быть доброжелательными. Если с кем-то подружитесь, можете и в гости к нам пригласить. Нет здесь ничего плохого. Не вздумайте вести себя как-то высокомерно, дескать, мы русские, а вы там какие-то чехи. Я слышан, что есть такие проявления у наших местных детей. Если есть какая-то несправедливость, будьте на стороне правды. Учёба... я даже говорить не хочу. На днях, Юра, пойдёшь заниматься на территории части в спортзал. Там внештатный начальник спортзала – солдат, он закончил физкультурный техникум. Начнёт тебя, Юра, учить боксу, самбо и некоторым приёмам рукопашного боя, но все начнётся с общефизической подготовки.

– А мы, девочки, начнём бегать и заниматься по вечерам отдельно. Я посмотрела, у нас здесь отличные условия.

– Утром мы с Юрой делаем вместе зарядку. Пришлю солдата, он оборудует перекладину в коридоре. Теперь, о тебе, Катюша, – папа обратился к сестре, – тебе придётся ездить в школу на автобусе. В автобусе с детьми ездит «старшая мама», это мамы детей дежурят по очереди и смотрят за порядком. В автобусе делать уроки не рекомендуют, трясёт сильно. Здесь есть несколько девочек, твоих одноклассниц, говорят, очень хорошие и воспитанные, и учатся хорошо. Вам придётся ждать окончания уроков у девятиклассников, для этого вы сможете занимать в школе какой-то класс и делать уроки. Я тебе советую не терять там зря время на болтовню, а делать уроки. А здесь зато вечером можно и спортом позаниматься и с подружками на свежем воздухе погулять.

– Я завтра хочу поехать с Катенькой в школу и сама всё увидеть, – сказала мама.

– Там, говорят, хорошие платные обеды готовят в школе. Надо бы чтобы она там питалась, а то дети приезжают из школы для обеда поздно, а всухомятку питаться ещё хуже. Многие родители экономят на обедах, и дети питаются бутербродами.

– Ну вот и решили. Ужинайте. Можете посмотреть чешское телевидение, если что-то поймёте, и ложитесь спать. Мы с папой придём поздно.

– Папа, а как мне завтра быть?

– Не понял вопрос.

– Ну вот завтра я приду в школу и что? Как правильно себя вести?

– Подойди к обидчикам смело, протяни руку и скажи, что зла не держишь.

– А если они мне руки не подадут?

- Ничего страшного. Ты подошёл как сильный, а он поступил как слабый.
- Понял. Буду стараться.

После ужина, мы с сестрой сели смотреть телевизор. Я внимательно вслушивался в чешскую речь, понимал отдельные слова. О чем-то догадывался по картинке. Смотреть чешское ТВ, мне показалось интересным. Хотя и было всего две программы. Сестра тоже смотрела с интересом, но меньшим чем я, она первой не выдержала и пошла в нашу комнату читать какую-то книжку.

Проснулся я сам, услышал, как мама начала что-то делать на кухне. Готовить сестре завтрак. Слышал, как они с мамой начали выполнять упражнения. Потом плескались и умывались в ванной. Услышал отца, и я встал, предстояло заняться зарядкой. После вчерашних боев, все болело, особенно губа.

Сестра съела кашу, выпила чай, обещала маме что бутерброд она съест по дороге в школу в автобусе и выпьет кофе из термоса. Мама сказала папе что и где взять поесть, и они с сестрой вышли из дома. Я выглянул в окно и увидел военный зелёный ЛАЗ, вокруг него собирались дети.

- Юра, ты встал? – спросил отец.
- Да, иду.

Мы приступили к зарядке. С отцом это было интересно

Позавтракали. Отец дал мне ключ от квартиры, показал, как открывать. Мы вместе вышли и отправились каждый по своим делам.

На подходе к школе я увидел, что на улице у двери стоят Ирина Николаевна, Володя Сенедюк, какая-то женщина и прапорщик.

- Здравствуйте, Ирина Николаевна! Здравствуйте! – обратился я ко всем остальным.

– Юра, Володя хочет попросить у тебя прощения за вчерашнее, – сказала Ирина Николаевна.

- Не нужно, это как-то неудобно. Я просто хочу со всеми дружить.

– Юра, извини меня. Я тоже хочу с тобой дружить, – ответил Володя

– Юрочка. Я мама Володи. Володя хороший и добрый мальчик, я не знаю, что с ним случилось, пожалуйста, подружитесь.

– Юра, я Володин отец, и хочу извиниться за него. Я знаю, где он набрался про дедовщину и про прописку, уверен, мы это дело ещё поправим. Вас, мальчишек, в начальной школе так мало здесь, вы должны дружить и должны быть вместе, – сказал прапорщик.

Володя тем временем протянул мне руку, и я её пожал в ответ.

– Ну вот и хорошо, идите в раздевалку, – сказала Ирина Николаевна.

Мы вместе с Володей пошли, а взрослые остались.

Тётя Лена, техничка, показала мне мою персональную вешалку в раздевалке, где была уже наклеена бирка с моей фамилией и именем.

Володя смотрел на меня угрюмо. Подошёл ко мне и сказал:

– Мне так вчера влетело от родителей. И мать, и отец лупили меня ремнём. У меня и руки и ноги синие от ремня, и сидеть больно. Не обижайся, давай начнём все наново, как будто ничего не было. Идёт?

Я посмотрел на Володю внимательно.

– Володя, давай дружить, я согласен. Но учти, я подчиняться тебе не буду. Мне сестра сказала, что эта дедовщина и всякая там прописка – это у уголовников так, такие порядки в тюрьме и признавать их нельзя.

– Да какая тюрьма! Вот там, где мы раньше жили, в той части нам солдаты объяснили, что это такие правила справедливости. Я часто к отцу в часть на склад бегал и там был у него солдат, который постоянно работал, вот он и объяснял. Ну если ты не хочешь, значит не будешь, но за остальных пацанов я не отвечаю.

– Володя, ну ты же сказал, что ты мой друг, значит, если кто-то будет на меня нападать, ты за меня будешь заступаться, а я – за тебя.

– Заступаться? Посмотрим.

– Быстро по классам! – раздался голос Ирины Николаевны.

На уроках действительно приходилось быть в постоянном напряжении, о своём думать мне не давала Ирина Николаевна. У неё была «коронка»: она часто переспрашивала учеников: «Юра, повтори, что я сейчас сказала?» или «О чём мы с вами сейчас говорили?» или «А как ты понял то или это?».

На переменах можно было выйти на улицу и побегать. Учителя не придирались. На одной из перемен нас заводили в очень чистую и светлую столовую. Мы кушали свежеиспечённые рогалики с маком, джем, сметанный крем. Всё это привозили чехи в магазин Военторга, а из него уже еда приносилась в нашу столовую, благо расстояние было не более ста метров. Отдельно стоит сказать про чай, которым нас поили, это был необыкновенно ароматный напиток. Мы, дети, очень любили этот чай. На наше питание сдавали деньги родители. Маме вчера об этом забыли сказать, и Ирина Николаевна попросила меня передать маме, чтобы она отправила деньги через меня.

Закончились уроки, мы вышли из школы. К этому моменту я уже хорошо познакомился со своими одноклассниками. Ближе всего мы сошлись с Олегом Ковалёвым. Чуть в стороне от нас находилась детская площадка. Возле карусели собрались мальчишки. Кто-то позвал Олега.

– Пойдём? – спросил меня Олег.

– Пойдём.

– Не бойся. После вчерашнего никто тебя не тронет.

– А что вчера?

– Вчера все поняли, что ты псих.

– И что, все против меня?

– Нет, большинство за тебя, но все боятся эту троицу. Они нас всех задолбали. До их приезда мы жили здесь очень дружно. Дрались с чехами, девиз у нас был мушкетёрский: «Один за всех и все за одного!». А сейчас они всем верховодят, хотят подчинить.

Я присмотрелся. Сердце билось сильно, я думал, что опять придётся драться и был уверен, что мне наваляют. Володя стоял отдельно, как бы он ни при чём. Я сразу уловил этот его ход.

– Ну что, новенький, как там тебя зовут? – спросил меня парень из третьего класса.

– Меня зовут Юрой, а тебя?

Парень ухмыльнулся:

– Меня зовут Пётр, а для тебя дядя Петя, понял?

– Я тебя дядей называть не буду.

– Транды получишь.

– Может и получу, но меня не даст в обиду Володя. Он мне предложил дружить, и мы теперь друзья. Володя! – крикнул я и помахал ему рукой, подзывая к себе.

– Не понял, ты хочешь сказать, что Володя полезет на меня, если я тебе отвешу?

– Не знаю, проверим, чего стоят его слова о дружбе, – сказал я очень громко, нарочно, чтобы все поняли, что их слышит подходящий к нам Володя.

– Ну вот сейчас и проверим, – сказал Петя.

– Харе, не трогай его, – вступил в разговор Володя.

– Почему?

– Он теперь под моей защитой. Юра будет моим вассалом.

– Вова, а что такое вассал? – спросил я.

Петя ухмыльнулся и ответил:

– Ты должен выполнять все Володины прихоти.

– Мы с Володей друзья, а друзья это равные, и всяких вассалов у друзей не бывает. Володя, докажи, что я прав.

– Бывают, вот мой старший брат мне лучший друг, но я выполняю всё, что он мне скажет, и он никогда не даст меня в обиду. Он ходит в восьмой класс и любому навалить может. Все его боятся. А если я не буду его слушаться, то он перестанет за меня заступаться и никакой дружбы не получится. Понял?

– Это не дружба. Подчиняться я никому не буду, и никто меня не заставит. Я на такую дружбу с тобой, Володя, не подписывался и, если это такая дружба у тебя, и ты такой смелый, надо было тебе об этом при своём отце сказать. А так ты при отце молчал и говорил одно, а сейчас другое. Что, Володя, при отце боишься такое говорить? Вот я при своём отце и при ваших тоже смело всё повторяю, о чём сейчас сказал. А тебе, Володя, слабо? А тебе, Петя?

– Я тебе не Петя.

– Тогда и меня зови Юрием!

– Борзый ты очень, Юра.

– Я что, дурак, при отце такое говорить? – промычал Володя.

– А что такого? Ты же самый смелый.

– У взрослых свои дела, у нас свои. – ответил Володя.

– Короче, если ты не будешь здесь жить по нашим правилам, будешь один. Ни один пацан к тебе не подойдёт. И бить не будут, если сам не полезешь. А тот, кто подойдёт, получит кличку Засранец, и тоже будет изгоем, с которым запахло даже стоять рядом. Выбирай прямо сейчас, с кем ты, – сказал Петя.

– Я не буду подчиняться вашим правилам, я не буду вассалом.

– Если ты не с нами, кличка у тебя будет Шнырь, – добавил парень, явно друг Володи и Пети.

– Того, кто меня так назовёт, я тоже назову как-нибудь обидно.

Пётр повернулся к остальным мальчишкам и произнёс:

– Кто с нами? Идём к лавочкам, а то тут сильно говном воняет от кого-то. Не бойся, Юра, мы тебя бить больше не будем, а то опять маме и главное папе своему, большому командиру, нажалуешься, а нашим простым смертным родителям за нас отвечать, – сказал Петя.

– Ребята, не ходите с ними, не бойтесь, не унижайтесь. – крикнул я в отчаянии. Слёзы покатились из глаз большими ручьями. Непроизвольно я задышался от обиды и слёз, наблюдая за тем, как все без исключения мальчишки уходят в другой конец двора. Я стоял и смотрел, как они идут. Некоторые смеялись, громче всех – Володя. А я стоял и смотрел. Один из пацанов повернулся и как бы украдкой посмотрел на меня.

Я развернулся и, еле сдерживая рыдания, быстро пошёл домой. Забежал в квартиру и разрыдался не на шутку. Я не знал, что делать. Отчаяние. Что делать? Как поступить? Я изгой. Никто меня не поддержал. Почему? Где-то должен быть выход. Спросить отца? Если узнают, подумают, что я «застучал»? Маме рассказать? Мама ничего не понимает. Сестре? Она слишком правильная, чтобы понимать эту грязь, в которую я вступил. Как же хорошо было там, в Белоруссии. Вот если бы я умел драться хорошо, знал приёмы, тогда бы я надавал этой троице по морде, а все остальные бы пошли за мной. А почему пошли бы? Да потому, что я сильный. Сильных боятся и признают их власть над собой. Но я слабый. Сегодня тренировка, но после неё я сильным не стану. До того, как я смогу их поколотить, уйдёт слишком много времени. Возможно, год или даже больше. Но я всё равно буду заниматься очень усердно. Это, конечно же, важнее математики и тем более русского языка. Но что же делать сейчас, завтра, послезавтра? Я понимал, впереди меня ждала травля с целью подчинения.

Открылась дверь квартиры. Это пришёл на обед отец.

– Юра, ты где?

– Я здесь, пап.

Отец зашёл в комнату.

– Что с тобой? Ты что такой мрачный? Почему уроки не делаешь?

– Всё нормально. Сейчас начну делать.

– Я сейчас разогрею обед. А ты мне пойдём, расскажешь, что случилось.

– Пап, всё нормально.

– Юра, ты помнишь, мы с тобой говорили, и я тебе объяснял, что я и есть твой лучший и самый близкий друг в жизни. Я всё пойму. Вижу, что у тебя проблемы и серьёзные. Расскажи мне, и я посоветую, как поступать, никому не расскажу и вмешиваться не буду.

– Пап, не расскажу.

– Понял тебя. Ну я и сам догадался, что эта история продолжается. Мы вчера разговаривали на эту тему в гостях, там была Ирина Николаевна с мужем. Все уже знают эту проблему ваших младших классов. И другие мамы приходили, высказывали беспокойство, что сложилась ужасная ситуация, что взаимоотношения между мальчишками стали напоминать тюремные порядки. Вот маму нашу будут избирать председателем женсовета. Я так понял, что эта троица сумела подчинить себе всех остальных младшеклассников, и Володя с друзьями будет действовать через других ребят, которые смалодушничали и подчинились, и они в свою очередь будут тебя провоцировать. Что, угадал?

– Угадал, почти, но никто меня даже пальцем не трогает. Все мальчишки от меня отвернулись, и я стал изгоем, за то, что отказался быть вассалом Володи.

– Вассалом?

– Да, вассалом. Мне предложили быть его вассалом.

И я опять расплакался. Отец меня обнял.

– А ты что сказал?

– Я наотрез отказался. И они мне сказали, что у меня будет кличка Шнырь, а у того, кто со мной заговорит, будет кличка Засранец. И все пошли за ними. Папа, они сила, они вместе втроём друг за друга горой.

– Ты правильно себя повёл. Один против всех – это ещё какая сила. А потом ты не один. Во-первых, у нас семья. Это самая главная сила, и в нашей семье мы будем горой друг за друга. Плохо тебе – плохо мне. И я буду тебе помогать. Во-вторых, хороших людей всегда больше. Это закон. И, возможно, уже сегодня ты в этом убедишься. Потому что сегодня вечером к тебе кто-то из пацанов придёт и позовёт во двор гулять. Ты пойдёшь, кстати, поэтому спортзал сегодня отменяется. Там ты познакомишься со старшеклассниками. Одного из них зовут Саша, учится он в девятом классе. У нас в городке всего три девятиклассника. Саша, кстати, здесь в большом авторитете и не потому что он сын командира полка, а потому что прекрасный спортсмен и отличник, выдержанный парень, мне очень понравился. Готовится поступать в Московское высшее общевойсковое командное училище, много занимается спортом. Так вот, вчера Саша позвал к нам на беседу своих друзей-одноклассников, и мы с ними поговорили в другой комнате, без женщин. Они с удовольствием выразили желание эту ситуацию с младшими классами пресечь и вернуть те порядки, которые были здесь ранее. Ну, и после этого наступит время и нам, взрослым, действовать – и мужчинам-отцам, и матерям. У матерей даже свой и очень действенный орган есть, женсовет называется, и на нём даже командиров частей могут покрывать. Так что вот вызовет меня мама на женсовет и устроит мне головомойку!

Я рассмеялся. Стало сильно легче.

– Кстати, когда пойдёшь сегодня гулять во двор, будешь знакомиться, то води себя естественно, честно и просто. Не лукавь, говори всё как есть. А теперь давай кушать. Я купил вам с Катей чешский лимонад, пирожные, вафли в шоколаде, бананы, апельсины, груши и виноград. После обеда можешь выпить бутылку лимонада и съесть пирожное, не забудь оставить нашим женщинам, они всё это с удовольствием съедят, когда со школы приедут.

– Ладно.

Мы приступили к обеду. Порадовало меня и то, что кроме первого и второго был ещё и мой любимый винегрет.

Папа убрал со стола, я пошёл делать уроки и засёк время, чтобы через полчаса после обеда приступить к лимонаду с пирожным.

Не успел я приступить к лимонаду, как увидел в окно приехавший автобус, из которого хлынули школьники разных возрастов, среди них была и моя сестра. Мама пошла в сторону дома, а сестра задержалась что-то сказать другой девушке. Я побежал открывать дверь.

Мама вошла довольная, на ходу в ванную спросила, как у меня дела. Я ответил, что нормально. Пришла сестра, они с мамой переоделись и принялись кушать, активно обсуждая школу, дорогу и прочие дела. А я погрузился в уроки.

– Мама, проверять будешь? Я всё сделал.

– Проверять я тебя теперь не буду. Всё на твоей совести. Но Ирину Николаевну я буду видеть если не каждый день, то часто и знать буду всё. Чем хочешь заняться?

– Сначала отжимания, приседания и прочее. Потом хотел поиграть с новым конструктором, потом погулять.

– Иди съешь пирожное.

– Я уже своё съел.

– И моё съешь, я попробовала и что-то не хочу больше.

– Хочешь, ешь сама.

Прошло много времени, стемнело. В дверь позвонили. Мама успела первой.

– Здравствуйте! Юру можно?

– Можно.

– Юра, пойдём гулять.

Передо мной стоял Сергей из второго класса. Я был поражён. Не понимал, как такое возможно.

– А тебя как зовут? – спросила мама.

– Сергей.

– Заходи, Серёжа. Пока Юрка одевается, я тебя вкусеньким угощу.

– Спасибо.

Серёга принялся за печенье и запивал его моим любимым лимонадом КОFOLA (напоминает «Кока-Колу»). Справился он быстро, а я к тому времени оделся. И мы выбежали из квартиры.

– Серёга, а как же ты за мной пришёл, ведь тебе транды дадут и будут обзывать засранцем?

– Не будут. Там наши старшие разобрались, а их знаешь, как все уважают! Всё, теперь мы возвращаемся к старым порядкам. Никаких вассалов не будет, никакой дедовщины и уголовных порядков. Вся наша троица из третьего класса наказана. В общем, всё увидишь сам.

Мы бегом подбежали к месту, где все собрались, я удивился, что среди присутствующих были и девчонки из старших классов.

– Подходи сюда, Юра. Меня зовут Саша, – сказал рослый белобрысый парень, одним локтем опираясь на спинку лавочки, – знакомься со всеми, мы тебя принимаем в наш коллектив.

Я стал всех обходить и протягивать руку, всем незнакомым называя своё имя и запоминая их имена.

– Вот видишь, Юра, этих троих? – Саша кивнул в сторону Володи и его друзей, – Они решили в нашем дружном городке установить свои бандеровские порядки. Объединились и начали избивать тех, кто младше и слабее. Затравили Женю, девочку из второго класса, обзывали её жидовкой, плевали ей на одежду, толкали. Довели, в общем, девочку. Потом вот тебя решили унижить, но не вышло. Ты молодец, уважаем мы тебя.

Я не знал Женю и услышал об этом впервые. В тот момент я даже не понял, о чём разговор.

– Ребята, кто хочет выступить в защиту этой троицы? – спросил Виталик из шестого класса.

Желающих не нашлось.

– Вот смотрите, – обратился Витя из четвёртого класса к троице, – вы побили первоклашку Юрку, новенького, вы третьеклассники. Что скажете?

– Он сам наварлся. Очень борзый! – сказал Володя.

– Это ты борзый. Ты, понял? – подбежал к Володе Витя и указательным пальцем ткнул ему в переносицу. – Вот у Юрки нет старшего брата, я буду его старшим братом. У тебя есть претензии к моему брату Юрке? Есть?

– И я буду для Юрки старшим братом. У кого вопросы ко мне и моему брательнику Юрке? У вас, бандеровцы, есть вопросы? И Женечка теперь моя сеструха, – сказал Виталик.

– Сейчас будете просить прощения у Юры и у всех младшеклассников по очереди за то, что вы их унизили. Понятно? – сказал Витя.

– Мы не будем, – ответил Петя

– Тогда будете отвечать перед нами за обиду наших братьев. Пацаны, кто нам брат, подходи! – сказал Витя.

Все пацаны четвёртых-шестых классов подошли к Вите. Подошёл, конечно, и я. Старшие остались в стороне. И кто-то из них произнёс, что они тоже братья и пока подождут в стороне, сами справятся.

– Последний раз спрашиваю, прощения просить будете?

– Нет, не будем.

Витя мгновенно нанёс несколько ударов, подключился и Виталик.

– Остальным не вмешиваться. Двое против троих! – прокричал Витя.

Первым пощады запросил Петя.

– Стой! – сказал Виталик, – Ну что, бандеровцы, передумали?

– Ладно, сдаёмся, – сказал Петя.

– Подходишь к каждому и просишь прощения. Ясно?

– Да, – ответил Петя.

Первым пошёл просить прощения Володя, за ним все остальные.

– А теперь идите сюда, – произнёс Витя. Чуть в стороне, за спинами девчонок стояла Женя, – каждый из вас встанет на колени, кланяется и просит прощения. За отказ побьём и во двор вы больше не выйдете. Будете по домам сидеть.

– Не надо, пожалуйста. Я очень прошу, – сказала Женя.

– Надо, а ну, быстро! – заявил Виталик.

Троица подошла, встала на колени и попросила прощения. Женька плакала.

– Всё, с этого момента не должно быть ни у кого никаких обид. Ни у кого! Всем ясно?

– Да-а-а-а.

– Давайте, дружите, ребята, нас здесь и так очень мало.

Мы начали расходиться. Мои одноклассники уже отдельно подошли ко мне и предложили дружить, потом мы пошли ко второму классу и тут же решили на асфальтовой площадке поиграть в футбол. Разбились на две команды, присоединился и третий класс. Не было только Володи. Серёга первый обратил на это внимание и стал вглядываться в темноту, потом позвал его к нам. Видно было, что Володя прибежал с удовольствием. Примерно в одно время нас начали загонять домой, игра закончилась.

Я зашёл домой почти счастливый. Отец тоже только пришёл.

– Как дела? Рассказывай.

Я всё рассказал.

– Немного неправильно пошло. Но в целом пойдёт. Завтра в шестнадцать ноль-ноль тебя ждут в спортзале. Начинаем заниматься спортом.

Я спросил:

– А кто такие жида?

– Есть такой народ – евреи. Народ особенный, не знаю, при каких обстоятельствах, но в какое-то время они лишились своей земли, своей родины и начали скитаться по чужим странам. Их никто не приглашал. Но им некуда было деваться. Получалось так, что к ним относились как к непрошеным гостям, часто очень плохо. Этот народ сохранял свой язык, традиции и религию, они очень отличались от европейских народов, это тоже не нравилось остальным. Появилось отторжение. В них подмечали недостатки, которые есть у всех народов. Вот тех, кто жадничал, называли жид, говорят, жидить, жадничать. Но жадность – это не национальная черта, с ней можно столкнуться везде, в любом народе жадности сколько угодно. Германцы во главе с Гитлером вообще решили полностью уничтожить еврейский народ, того же хотели и бандеровцы. Но евреи выжили, выстояли. Теперь у них есть своё государство – Израиль. И у нас в СССР есть целая автономная область, где они живут и говорят на своём языке.

– Кстати, евреи очень хорошо воевали в Великую отечественную войну. Никогда их не обижай. И мы все вместе – единый советский народ. Тем более мерзко, что эти ребята издевались над девочкой. Если что, не будь в стороне, заступайся за людей в таких случаях. А вообще это всё из-за низкого уровня образования, бескультурья. Вот и здесь в ЧССР ты можешь услышать от чехов кое-что негативное про русских. Потому что они видят наши некрасивые поступки, бескультурье иной раз. И признать надо, что мы для многих чехов тоже непрошеные гости. Поэтому к нам придирчивое отношение. Вот видят они неприличный поступок нашего соотечественника, и говорят, что мы все такие. Но мы с тобой так не поступаем. Всё равно они судят по поступкам отдельных людей обо всех русских. Не хотят знать, что тот, кто совершил плохой поступок, скорее всего, вообще не русский. Считают, что за всех советских людей отвечают русские. Они могут быть украинцами, например, как твои обидчики, или грузинами, или туркменами, а здесь про них про всех говорят «русские» и судят по одному нехорошему поступку. Ну и чехи тоже люди разные.

– В общем, евреи – нормальные хорошие люди, точно такие же, как и мы. Кроме того, отец у Жени начальник медицинской службы полка, знаешь, сколько добрых дел он делает за один день? Скольких вылечил! А мама у Жени – мордвинка, это такой поволжский народ, и тоже врач, но пока не работает, негде работать.

– Понятно, я просто спросил, потому что я раньше не видел евреев, и не знал, кто такие жида.

– Видел ты евреев и раньше, и очень много, просто не знал, что они евреи, и тебе это не надо знать и замечать.

– Я понял.

– Вот и хорошо.

– Мама, я есть хочу.

– Пора мыться и спать, – ответила мама.

– Ну покорми парня, – заступился за меня отец.

– Идём, будем пить чай с бутербродом, – позвала мама.

Мне дали бутерброд с маслом, русской сухой колбасой и чай с лимоном. Потом ещё яблоко. После этого я пошёл в душ. С нетерпением ждал следующего дня, а ведь несколько часов назад у меня были совсем другие мысли. Я впервые задумался над тем, какие разные все люди. С тем и заснул.

Следующий день принёс много хороших впечатлений, я продолжал знакомиться с ребятами, мы быстро начали сходить.

К назначенному времени пришёл в спортзал, находившийся на территории части рядом со штабом дивизиона, которым командовал мой отец. У входа в спортзал меня остановил дежуривший там солдат с повязкой на рукаве. Я сообщил, что пришёл к сержанту Васильеву, как и сказал мне отец.

В этот момент из душевой выглянул шуплый дяденька, замотанный полотенцем.

– Тебя Юрой зовут?

– Да.

– Я дядя Вова. Если что, подходишь ко мне, и мы всё решаем. Васильев!

– Я, товарищ капитан! – в коридор выбежал высокий, широкоплечий парень в синем спортивном костюме и кедах.

– Вот, твой новый ученик, по крайней мере, на оставшийся год, Юра.

– Я всё понял, товарищ капитан, майор Тимофеев мне всё объяснил. Будем работать.

– Хорошо, – сказал дядя Вова.

– Пойдём со мной Юра. Меня зовут дядя Лёня.

Мы зашли в небольшой кабинет, в котором стояли две лавочки, два стула, шкаф, стол. Повсюду лежали мячи, сложенные сетки и прочее.

– Юра, приходишь и сразу идёшь сюда. Меня не ждёшь, переодеваешься и начинаешь разминку. Разминку сейчас разучим, делать её будешь вон здесь, – и он показал рукой в угол, недалеко от его кабинета.

Я быстро переоделся.

– Разучиваем, Юра, разминку, время попусту не тратим, но разминку делаем тщательно и не спеша. После разминки начнём разучивать разные упражнения.

– А когда будем приёмы и удары тренировать?

– Ещё не скоро. Нужно много терпения. Ты готов?

– Конечно!

Было тяжело, даже очень. Вытяну ли я, выдержу ли? Не знаю. Опозориться перед отцом? Никак нельзя. А мама возьмёт и скажет: «Слабак ты, сынок». Нет, ни за что, стыдно-то как будет. Дядя Лёня оказался очень строгим, но одновременно добрым. Бывает и такое. Мы всё делали вместе.

– Первое время я тебе буду всё показывать, а потом ты должен упражнения делать сам, и я буду объяснять только новое.

После спортзала я пошёл домой. Не успел положить вещи, как под окном услышал крик:

– Юра! Юра! Выходи!

Я бегом к окну, там трое моих новых дружков. Здорово! Как же здорово, когда есть друзья, как же здорово быть в коллективе. Открыл окно и крикнул:

– Иду!

Схватил из вазы несколько конфет советских. Мама одобрительно кивнула. Бегом на улицу!

Сегодня ребята предлагали поиграть в хоккей на асфальте теннисным мячом. Ворота соорудили из ящиков. Площадка располагалась рядом с магазином, пластмассовых ящиков было достаточно. Клюшки у меня ещё не было, и кто-то из ребят дал мне свою, запасную. Начали мы игру двое на двое, потом подошло ещё двое, и игра пошла три на три. Подтянулись девчонки, которые играли в резиночки и классики рядом с нами. В это время кто-то крикнул:

– О! Ребята, смотрите, чехи идут!

Действительно, к нам приближалось несколько человек с клюшками, у некоторых были элементы защиты.

Глава 3

К нам подошло четверо мальчишек, примерно нашего возраста. Выяснилось, что все давно хорошо друг друга знают и прекрасно понимают. Разговор вёлся на смеси чешского и русского. Познакомились. Меня, как новенького, представили. Ребята спросили, откуда я приехал. Никто не понял, что такое Белоруссия, а я не мог объяснить, чем она от России отличается. Разделились на команды и начали. Со мной в команде играл чех по имени Зденек. На воротах стояли по очереди, чтобы никому не было обидно. Подтянулись ещё наши ребята постарше, появились сменные пятёрки, потом подошли чехи постарше. Формировались и переформировывались пятёрки, игра шла азартно и полным ходом.

Наших начали загонять домой. Чехи тоже стали прощаться. Нам со Зденеком понравилось играть в паре. Я позвал его приходить завтра, а он пообещал.

– Ну что, как день прошёл? – спросил отец.

– Отлично! – и я вкратце рассказал об основных событиях.

– Идите кушать, – позвала нас мама.

Сестра есть отказалась и сидела за уроками. Слово взяла мама и сразу пошла в наступление:

– Сегодня собирались в полковой библиотеке женским составом, точнее, кто захотел поучаствовать. Меня единогласно избрали председателем женсовета гарнизона. Сразу поставили вопрос о том, что мальчишкам надо бы соорудить хоккейную коробку, залить, всё обустроить. Зима морозная, хоть и декабрь, но температура даже днём два-три градуса мороза, и девочки смогут вечером покататься, когда малышня уйдёт. Ирина Николаевна сказала, что с этим надо бы сходить к командиру полка, без него ничего не сделаешь.

– Свет, послушай, как надо. Завтра сходи к технику домоуправления. Она здесь заведует всеми вольнонаёмными рабочими, сантехниками и электриками. Кстати, она хоть и техник, но заканчивала архитектурный в Свердловске, очень умная женщина. Она должна сделать чертёжик, определить площадку, сделать смету. Трактор есть и в полку, и у меня в дивизионе. Площадку разравниаем. Какие есть стройматериалы из тех, что будут указаны в смете, надо спросить у зампотыла полка. Он, конечно, скажет, что ничего у него нет. Поэтому надо будет поехать в строительный, посчитать, что сколько стоит и предложить скинуться. Видимо, здесь начнётся самое интересное. Мастерить коробку техник пусть лучше поставит гражданских, если нет, дадим солдат, есть с руками люди, – прервал маму отец.

– Поняла. Согласна. Конечно, надо идти полностью готовой. Завтра же начну заниматься. Мне даже интересно.

– Тебя предупредили, что по линии женсовета много мероприятий с чехами, и по этим делам надо писать отчёты? Вообще, основные контакты по линии парткома и замполита. Замполит контролирует контакты нашей школы с чешскими шефами и школами. Школьных мероприятий будет очень много, и женсовет – тоже линия замполита. Командир – это в крайнем случае. В целом все эти официальные контакты с чехами всячески приветствуются. По-моему, это правильно. Ещё пару лет назад сидели в своих гарнизонах, ошетилившись, как в окружении. Теперь всё решили изменить, и сразу старожилы заметили, как отношения с чехами стали меняться в лучшую сторону.

– Кстати, секретарь парткома полка – мужик очень авторитетный, с ним бояться связываться.

– Ещё бы!

– А у тебя в дивизионе есть политработники?

– Только замполит, я его подключу, если надо будет. Он мужик нормальный. Мы сейчас с ним занялись воинской дисциплиной в дивизионе, совсем дедовщина разгулялась. Притушили прилично, но надо дожать. Он уже несколько ночей провёл в казарме, много что поняли благодаря этому. Но тебе не он нужен, у меня есть прапорщики толковые, знаешь, такие украинские деревенские мужики, с ними построим хоть ледовый дворец.

– Мне тут Арина Петровна подсказала, что в Пардубице можно найти работу у чехов для меня. Сами чехи с удовольствием, если им надо, возьмут, но вот наше командование разрешение даёт неохотно. Как бы всё это узнать?

– Ну, допустим, найдёшь ты у чехов работу, и даже наши разрешение дадут, как ты ездить будешь?

– Это легко, в пяти минутах ходьбы от нас останавливается троллейбус, на нём двадцать минут – и ты в центре Пардубице. Я в Ленинграде по полтора, а то и два часа в одну сторону добиралась.

– Ладно, узнаю.

– А ты что сидишь, уши развесил? Бери книгу и иди читай на ночь, потом мыться и спать? – распорядилась мама.

Я вправду заслушался. Мне было всё интересно. И с каждым днём становилось всё интереснее и интереснее.

Пошёл в спальню, начал читать и зачитался. Глаза слипались, а оторваться не мог. Оторвала мама. В душ идти не хотелось, но пришлось. Только положил голову на подушки, как сразу уснул.

По дороге из школы я сразу заметил, что около нового гарнизонного клуба, на пустыре, работает трактор, равняет площадку. Там же рядом находилась моя мама, ещё какая-то женщина, солдаты с лопатами и гражданские.

Мама, увидев меня, пошла мне навстречу.

– Как дела?

– Всё нормально. Задали немного. Я сейчас уроки сделаю, потом на тренировку, потом гулять.

– Планы грандиозные, сначала кушаем и с уроками внимательно. Будут проблемы с учёбой, я быстро все тренировки прекращу, и никаких «гулять». Понятно?

– Понятно.

Я переоделся, помыл руки и сел кушать.

– Видел, трактор работает? – спросила мама.

– Видел, конечно.

– Это вам делаем хоккейную коробку. Сейчас приедут чехи, привезут песок, щебень, позже асфальт и каток, то есть сегодня будет готова площадка. Завтра сделаем коробку и, если всё будет хорошо на ночь, зальём каток.

– Ура, а коньки где я возьму?

– Купим и тебе и Кате.

– А вам с папой?

– Мы с Катей одними постараемся обойтись, папе покупать не будем. Денег пока нет.

– Спасибо, – сказал я и пошёл делать уроки.

После тренировки мы с ребятами решили осмотреть нашу будущую ледовую арену. Выяснилось, что коньков здесь нет ни у кого, и кататься никто не умеет, кроме меня. Подошли чехи и тоже начали выяснять, что строится. Мы объяснили. Зденек сказал, что у него нет коньков и вряд ли ему купят, потому что у родителей тяжело с деньгами, а сезон очень короткий. Я его успокоил и сказал, что мне мама пообещала купить коньки, и я ему буду их давать, будем играть по очереди. Зденек обрадовался и сказал:

– Юрий, ты настоящий друг! Я тоже буду с тобой делиться. Давай дружить по-настоящему.

– Давай, Зденек! – я очень обрадовался. Зденек очень мне нравился. Он был добрым и сдержанным, к тому же значительно превосходил всех нас, ровесников, физически.

– Пошли играть! – крикнул Зденек, обращаясь ко всем присутствующим.

Все дружно направились на нашу асфальтовую площадку, привычно разобрали ящики, быстро разделились и пошла игра.

За ужином собралась вся наша семья.

– Никогда не подозревал, что у нашей мамы такие организаторские способности, – сказал папа.

– Какие такие? – ехидно переспросила Катя.

– Очень сильные. Очень. Особенно меня удивило что она не только со всеми всё решила, но и деньги собрала, сто процентов за один день! Некоторые сдали, заняв в кассе взаимопомощи. Меня это удивило. Научи, Свет, как ты всё сделала?

– Вышло всё просто. Техник нашего домоуправления – жена секретаря парткома полка. Я к ней пришла, рассказала идею. Она её поддержала, сказала, что очень хочет, чтобы дочь поддерживала фигуру и чем-то занималась. В тёплое время она много ездит с дочерью на велосипеде. Зимой проблема, но на коньках кататься будет точно. Она невероятно умная женщина. Сразу всё прикинула на бумаге, позвонила мужу и начала настойчиво требовать решить вопрос. Он ей пообещал, что созвонится с чешским райкомом партии. От них требовались песок, щебень, асфальт, маленький каток, два столба, электрокабель, два фонаря и трубы для ворот. И что ты думаешь?

– Что? Парторг с чехами решил все вопросы?

– Именно, пообещав, что дети чехов будут беспрепятственно пользоваться катком, что естественно. А те всё оформят как шефскую помощь, и наш парторг оформит как дружбу и сотрудничество. Ирина Николаевна тоже мне помогла, она позвонила мужу, всё рассказала и попросила солдат, трактор. Её муж быстро назначил старшим всей стройки прапорщика, из роты матобеспечения выделил семь человек, дал трактор. Техник домоуправления отправит рабочих, когда будут стройматериалы. Вот что значит, когда все дружно берутся за дело.

– Понятно. Дальше понятно, чехи слово держат, тут нет сомнений. А как деньги собрала так быстро?

– Опять же. Я с помощью Ирины Николаевны составила список тех, кто должен сдать, то есть у кого дети школьного возраста. Взяла список и пошла к парторгу. Тот его поправил и сказал, что деньги должны сдать все коммунисты, это партийная и государственная задача, вызвал комсорга, озадачил его за два часа собрать деньги с комсомольцев, у кого дети школьного возраста, таких немного. А сам начал собирать деньги с коммунистов прямо при мне. Всем задавал вопрос: «Вы против катка для октябрят, пионеров, комсомольцев и коммунистов?», все говорили: «За». Он: «Ну, а если "за", вы разве пожалеете деньги на воспитание молодёжи?», все деньги и сдали. Он обзвонил подразделения и сказал, чтобы каждый коммунист до часу дня посетил его кабинет. Командиру полка и его заместителям позвонил лично. Первым пришёл командир полка, потом начальник штаба и остальные заместители, зам по тылу появился последним. Вот так и были собраны все деньги, а от твоего дивизиона принёс командир третьей батареи, он же у вас в дивизионе парторг?

– Он парторг. Надо бы переизбрать, решить вопрос, плохо, когда командир батареи такую важную должность занимает. Хочу начальника штаба дивизиона на это дело избрать, конечно, он будет отбрыкиваться, поговорю потом со своим замполитом, руки пока что не доходят.

– После этого я пошла к командиру полка. У выхода из штаба меня встретил замполит, поздоровался, спросил, как дела. Я объяснила, чем занимаюсь, и сказала, что сейчас пойду к командиру полка. А он спрашивает, зачем, я рассказала. Он мне говорит, что если хотите, то

можете идти к командиру, но в этом нет необходимости, он сейчас может отправить машину в магазин с солдатами и прапорщиком. Я согласилась, отдала деньги, предупредила насчёт чеков и через полтора часа материалы уже привезли.

– И у меня новость. Я позвонил сегодня замначпо дивизии, мы с ним давно знакомы, и спросил, как решать вопрос твоей работы. Он мне ответил, что эта тема находится в ведении и начпо и комдива, но докладывает начпо о таком именно он. Так вот, он мне сказал, что жёнам командирам частей могут разрешить в качестве исключения, если они на хорошем счету. Ко мне пока что претензий нет, но дадут разрешение или нет, ещё зависит и от качества рабочего места, то есть чтобы по специальности. Например, на рабочие специальности разрешения никто не даст, а вот если какой-нибудь НИИ, да ещё сотрудничающий с нашими советскими предприятиями, то разрешат.

– Ну и я тоже выяснила. Я поговорила с секретарём парткома, и он пообещал мне попросить чешский райком помочь, но при условии, что я остаюсь председателем женсовета, буду ему помогать и ныть не буду.

– Вот я и говорю, что ты молодец.

На следующий день коробка катка была готова. Вечером от подвала нашего дома протянули шланги и началась заливка катка. На это мероприятие собралась вся детвора.

Утром следующего дня, перед тем как пойти в школу, я забежал на каток. Лёд застыл и был слегка припорошён снегом. В обед мама сказала, чтобы я быстрее делал уроки, и мы поедем в Пардубице покупать коньки, клюшку и щитки.

И вот уроки сделаны, мы с мамой отправились за покупками на троллейбусе. Вышли возле большого универмага. Мама обошла все отделы и этажи.

– Как только папа получит получку, мы сюда поедем с Катей.

Мы посетили отдел игрушек, у меня разбежались глаза: и конструкторы, и машинки, и железная дорога, мне хотелось купить всё.

В тот же вечер я вышел на каток в защите. Потом начали появляться другие ребята, некоторые с новенькими коньками и некоторыми элементами защиты. Совсем плохо у них было с катанием, но игру мы начали. Я быстро превратился в лучшего игрока, чего раньше не наблюдалось. Вот и наши чехи пришли.

– Зденек, привет!

– Наздар, Юрий!

У кого-то может возникнуть непонимание как мы, русские, общались с чехами. Ответ прост, чехи неплохо говорили по-русски, они жили рядом с нами и постоянно слышали наш язык, общались, кроме того, чехи учили русский в школе. И мы тоже хватали на лету чешские слова и быстро начинали понимать друг друга.

– Зденек, давай, я снимаю всё, а ты надеваешь. Я пока на воротах постою. Идёт?

– Давай!

Мы быстро переоделись. Зденек на коньках кататься вообще не умел. Я пытался ему помогать. Что-то получалось, но плохо. На помощь пришла моя мама, которая увидела нас из окна. В этот день игры уже не было. Все учились кататься. Подошли и девчонки, которые тоже приступили к катанию.

– Зденек! – мы обернулись и увидели молодую женщину, высокую, стройную и симпатичную.

– Мама, почекай! – это Зденек ответил маме просьбой подождать.

Моя мама подъехала к бортику. Поздоровалась, и они познакомились. Познакомился с ней и я. Маму Зденека звали Хелена. Пока они разговаривали, я опять взялся за обучение друга катанию на коньках. Дело продвигалось. Потом меня поменяла мама, а я решил без коньков пощёлкать об бортик шайбой. Зденек с мамой пошли домой, а мне разрешили ещё покататься, маму сменила Катя, на катке стали собираться старшеклассники.

– Юрка, домой тебе пора, – сказал Саша.

– Нет, пусть ещё немного покатается. – ответила ему за меня Катя.

Катя каталась лучше Саши, но тот, несмотря на это, пытался делать какие-то прыжки. Старшие договорились, что будут просто кататься.

– Юрка, беги домой, а я ещё немного покатаюсь. Скажи маме, чтобы ужинали без меня, – сказала Катя.

– Ладно, пойду, раз ты говоришь.

– Не обижайся, но тебе ещё почитать надо. Ты сегодня читал?

– Не хочу.

– Мало ли, что ты хочешь. Надо. Беги, я скоро.

Я пришёл домой, разделся. Мама показала, как надо ухаживать за коньками после использования. Отец намотал на клюшку изоленку и предупредил, чтобы я бережно ей пользовался, потому что всё очень дорого стоит. После этого мы сели кушать.

– У меня есть новости, но я расскажу, когда придёт Катя, я хочу и с ней обсудить. Это касается моей возможной будущей работы, – сказала мама

– Интересно. Что же, подождём.

Мы уже пили чай, и в квартиру вошла Катя.

– Катя, давай быстрее к нам, у мамы есть новости, она нам без тебя их не рассказывает! – прокричал я.

– Иду, иду. Обожаю новости.

Катя быстро проделала всё необходимое и села за стол.

– Меня сегодня к себе вызывал парторг. Сказал, что в Пардубицах есть техникум, там усиленно изучают русский язык. С учителями русского у них проблем нет, а вот русскоговорящих предметников по химии, математике нет вообще, они запрашивали руководство, но им ответили, что нанять предметника из Союза – это проблема. Они с удовольствием рассмотрят мою кандидатуру. График работы очень плотный, но и зарплата действительно хорошая. Если возьмут, то вам всем придётся труднее. Как вы на это смотрите?

– Мама, если хочешь, поступай на работу. Я не подведу, – мгновенно ответил я.

Все засмеялись.

– Мама, мы справимся, обещаю. И я буду тебе помогать, – сказала Катя.

– Катюшка, тебе надо будет проследить за Юркой.

– Ничего сложного нет. Он у нас хороший, послушный. Не подведёт, и мне это труда не составит. Только вот обед – проблема, когда папа будет на учениях или ещё где-то.

– Света, а может отдохнёшь, дома посидишь? – спросил папа.

– Нет, нам деньги нужны, и мне интересно. Это совсем новое, очень необычное дело. Такого шанса больше не будет.

Таким образом у нас принимались решения на семейном совете.

Далее дело пошло быстро. Маму вызывали в штаб Центральной группы войск в Миловице, там в Политуправление и в особый отдел, и вроде бы даже согласовывали эту проблему с посольством.

После получения всех бумаг мама поехала в техникум. Там разговаривала с «паном директором» и его заместителями. В первый день маму на работу повёз папин командирский газик, а встречать её с работы поехал сам папа.

Приехали они довольные. На следующий день маму опять повезла в техникум папина командирская машина, надо было отвезти сумку с вещами, сменной обувью, книгами. Обратного возвращалась она уже самостоятельно.

Мы без мамы управлялись нормально. После работы она принималась за домашние хлопоты, а потом садилась за конспекты и бумаги.

– Мне выдали талоны в бассейн, он совсем рядом с техникумом. У меня каждый день между уроками окна, в это время я хожу в бассейн или в спортзал. Пан директор был на моих занятиях и остался очень доволен. Сказал, что был уверен, что я, как выпускница Ленинградского пединститута имени Герцена, обязательно приду к двору. Пока мне все нравится, – говорила мама.

Дело приближалось, к чешскому рождеству – Ваноце. Город, в котором располагался наш военный городок, украшался и приобретал сказочное убранство, и только наши военные дома сохраняли военный коммунистический аскетизм.

– Юрий, а ты будешь отмечать рождество? – спрашивал меня Зденек.

– Нет, мы такой праздник не отмечаем.

– Почему?

– У нас никто в бога не верит.

– Как это? – не понимал Зденек.

– Ну так, не верят, потому что его нет.

– Юрий, ты дурак, что ли?

– Сам дурак, докажи, что бог есть!

Начинались долгие споры в которых явно было две команды: с одной стороны чехи, а с другой мы, советские, но чехи нас называли «русскими». Особенно жаркий спор разгорелся однажды вечером, после игры, это было в субботу. Как раз на каток пришла мама и сестра. Услышав наши споры, мама сказала:

– Ребята, не спорьте. Никто никому не сможет доказать, есть бог или нет. Это вопрос веры. Вот если человек по-настоящему верит, ему никто не докажет ничего. Потому что это вера, и всё тут. Твой дедушка, Юра, родной папа твоего отца, верил в бога, он был человек старой формации, воевал в Первую мировую, был тяжело ранен, потом оказался в страшном австрийском плену, потом ещё в Великую отечественную воевал, и опять был ранен на Курской дуге, а после этого комиссован. Он считал, что выжил в таких кровавых войнах благодаря вере в бога, к которому обращался всегда с молитвой. Никто бы твоего деда не переубедил. Правда, в церковь он не ходил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.